

Собственно вовсе не было поздно. Еслибы Петръ Николаевичъ догналъ жену и признался бы ей даже въ увлеченіи, съ обѣщаніемъ бросить всю эту пошловатую затѣю и навсегда порвать съ синьорой, то счастье снова обрѣсти утраченное, заставило бы мгновенно позабыть пережитое униженіе и простить увлеченіе минуты. Но Петръ Николаевичъ всего этого не сообразилъ подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ только-что случившагося.

— Петръ Николаевичъ, — грустно вымолвила Анна, — а я слышала, что вашъ союзъ можетъ служить примѣромъ для насъ, бѣдныхъ; того-ли могла я ожидать!

— Прощайте, Анна Игнатьевна, — и онъ протянулъ ей руку.

Но она опять удержала его.

— Послушайте, — задушевно сказала она, — не ходите теперь къ Вѣрѣ. Дайте бурѣ улежаться. Чтò бы вы ей ни сказали теперь, все будетъ принято съ желчью. Всякое оправданіе ваше послужитъ къ новому обвиненію... Вы должны будете унизиться до просьбы — а униженіе, Петръ Николаевичъ, вамъ не къ лицу.

— Но что же будетъ позже...

— Еще позже?.. ужъ и теперь поздно... Но я не буду докучать вамъ моралью, скажу только, что я отъ всей души жалю о случившемся... Для васъ обоихъ... Теперь вамъ все же слѣдовало бы успокоиться и рѣшить на свѣжую голову чтò дѣлать.

Время было пропущено для искренняго порыва раскаянія, Петръ Николаевичъ это чувствовалъ, а явиться передъ Вѣрой Андреевной съ повинной головой ему не хотѣлось, его останавливалъ ложный стыдъ. Мапинально послѣдовалъ онъ за Анной. Они пошли къ морю. Гнетущая печаль все тяжелѣе и тяжелѣе ложилась ему на душу. Онъ не могъ понять, какъ это онъ незамѣтно, шагъ за шагомъ, какъ будто бессознательно, втянулся въ такую нелѣпую исторію. Онъ спрашивалъ себя, какъ могъ онъ, подл влияніемъ будто какого-то налетѣвшаго одурѣнья, скомкать и сломать въ одинъ часъ счастье, добытое столькими годами любви и преданности?

А голосъ Анны звучалъ надъ самымъ ухомъ какъ надломленная струнка.

— Не унывайте, Петръ Николаевичъ — говорила она, — все поправится, Вѣра успокоится. Для женщины, искренно любящей, самое большое счастье простить человѣка, котораго она любитъ. А Вѣра васъ, конечно, любить. Вы поступили, спора нѣтъ, какъ влюбленный мальчишка, это очень курьезно, что въ ваши годы человѣкъ еще можетъ такъ поступать, — но все же Вѣра проститъ,